Американская и европейская модели правового регулирования криптовалют как элементы глобального правового порядка: сравнительно-правовой анализ

Гапонов Андрей Евгеньевич
аспирант кафедры публичного права АННИО «Международного института информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», Gaponov_a_ip@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ американской и европейской моделей регулирования оборота криптовалют, рассматриваемых как элементы складывающегося глобального правового порядка. Автор показывает, что при противоположных методах нормотворчества — сплошной кодификации в Европейском союзе и поэтапной отраслевой достройке от правоприменения к статуту в Соединённых Штатах Америки — обе модели сходятся на функциональном стандарте контроля, ядром которого выступают идентификация участника в точке лицензированного посредничества и правило сопровождения перевода сведениями о его сторонах. Обосновывается, что этот функциональный стандарт, опирающийся на рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, приобретает значение фактического глобального стандарта. Сделан вывод о том, что действенность регулирования криптовалют определяется не выбором цивилистической квалификации объекта, а наличием инфраструктуры проверки операций, что и составляет подлинный предмет сравнения национальных моделей.
Ключевые слова: криптовалюта; финансовый контроль; сравнительное правоведение; MiCA; GENIUS Act; правило путешествия; ФАТФ; верификация операций; глобальное регулирование; финансовое право.

Правовое регулирование оборота криптовалют формируется сегодня не из единого центра, а как результат взаимодействия нескольких национальных и наднациональных правопорядков, каждый из которых предлагает собственную модель контроля. Ведущее положение среди них занимают европейская и американская модели, различающиеся не столько содержанием решаемых задач, сколько методом их решения и институциональной архитектурой. Сопоставление этих моделей приобретает не только академическое значение, ведь от того, какая из них станет ориентиром для формирующегося глобального стандарта, зависит выбор регуляторных решений в правопорядках, находящихся на стадии достройки собственных систем. Настоящее исследование исходит из того, что противопоставление двух моделей как альтернативных упрощает картину, поскольку за различием методов обнаруживается схождение на общем функциональном стандарте контроля, и именно это схождение, а не выбор той или иной цивилистической квалификации, определяет действенность регулирования.

Отечественная доктрина рассматривает зарубежные модели преимущественно под углом их применимости к совершенствованию национального регулирования. Э.Л. Сидоренко, анализируя развитие цифровых финансов, связывает результативность регулирования криптовалют со способностью государства обеспечивать надзор за криптовалютными потоками, а не с формальной полнотой определений, и тем самым переносит центр сравнения с догматики объекта на инфраструктуру контроля[63]. Д.А. Кочергин, исследуя экономическую природу и классификацию криптоактивов, обосновывает функциональный подход, при котором правовой режим инструмента определяется его экономическим предназначением и механизмом стабилизации стоимости, а не технологическим или субъектным признаком[64]. В зарубежной науке преобладает оценка европейского регламента о рынках криптоактивов как акта, изменившего парадигму регулирования, так Д. Цетцше и соавторы характеризуют его как элемент целостной стратегии цифровых финансов[65], а А. Гкутцинис — как поворотный пункт в переходе от точечного правоприменения к системному нормативному охвату[66]. Сопоставление приведённых позиций обнаруживает доктринальный консенсус относительно того, что определяющим параметром является инфраструктура наблюдения, и одновременно — расхождение в оценке того, какой метод её создания, сплошная кодификация или отраслевая достройка, предпочтительнее.

Европейская модель построена как всеобъемлющая кодификация прямого действия. Регламент о рынках криптоактивов ввёл трёхзвенную классификацию, основанную на функциональном критерии, в которые входят: токены, привязанные к корзине активов; токены электронных денег, привязанные к одной официальной валюте;

[63]Сидоренко Э.Л. Криптовалюта и будущее цифровых финансов. — Москва : МГИМО-Университет, 2023. — С. 6, 30.
[64]Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. — 2022. — Т. 17, № 3. — С. 75–130.
[65]Zetzsche D.A., Annunziata F., Arner D.W., Buckley R.P. The Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) and the EU Digital Finance Strategy // Capital Markets Law Journal. — 2021. — Vol. 16, No. 2. — P. 203–225.
[66]Gkoutzinis A. The European Union's proposed regulation on markets in crypto-assets (MiCA): A game-changer for crypto regulation // Journal of Financial Regulation. — 2022. — Vol. 8, No. 1. — P. 112–139.

прочие криптоактивы[67]. Нормы о токенах, привязанных к активам, и о токенах электронных денег применяются с 30 июня 2024 г., а положения о прочих криптоактивах и о поставщиках услуг — с 30 декабря 2024 г., что обеспечило участникам рынка предсказуемую адаптацию. Операционный уровень образует регламент о сведениях, сопровождающих переводы, распространивший правило сопровождения перевода на все операции с криптоактивами без нижнего порога и обязавший каждого поставщика услуг передавать принимающей стороне идентификационные данные плательщика и получателя[68]. Антиотмывочный уровень достроен пакетом 2024 года, сформировав единый свод правил, применяемый напрямую во всех государствах-членах с 10 июля 2027 года, а также, включил поставщиков услуг в круг обязанных лиц[69]. Учреждённый во Франкфурте и действующий с 1 июля 2025 года надзорный орган наделён функцией координации подразделений финансовой разведки и прямого надзора за высокорисковыми трансграничными поставщиками услуг[70]. В совокупности эти уровни образуют сплошной периметр идентификации, в котором наблюдение носит превентивный, а не реактивный характер.

Американская модель формировалась противоположным путём — через отраслевую достройку, длительное время опиравшуюся на правоприменение при отсутствии специального статута. Разграничение компетенции строилось вокруг вопроса о том, относится ли конкретный актив к ценным бумагам под надзором Комиссии по ценным бумагам и биржам или к товарам под надзором Комиссии по срочной биржевой торговле. Первым федеральным законом, установившим предметный режим, стал акт о регулировании платёжных стейблкоинов, принятый в 2025 года, он ввёл требование полного резервирования обязательств эмитента и распространил на эмитентов обязанности в сфере противодействия отмыванию денег[71]. Рыночно-структурное регулирование остаётся на стадии законопроекта, так Digital Asset Market Clarity Act (CLARITY Act), в отношении рынка цифровых активов, закрепляющий исключительную компетенцию Комиссии по срочной биржевой торговле в отношении спотовых рынков цифровых товаров при сохранении компетенции Комиссии по ценным бумагам и биржам применительно к инвестиционным контрактам, прошёл Палату представителей и был одобрен профильным комитетом Сената в мае 2026 года, однако на момент подготовки статьи не принят[72]. Тем самым американская модель движется от разрозненного правоприменения к предметному статуту, но сохраняет отраслевое разграничение компетенции нескольких регуляторов вместо единого свода правил.

Сопоставление двух моделей по методу обнаруживает их принципиальное различие. Европейский подход исходит из идеи единого нормативного требования - один акт прямого действия устанавливает тождественные требования для всех государств-членов, а централизованный орган обеспечивает единство надзорной практики и координацию подразделений финансовой разведки. Американский подход, напротив, сохраняет разделение компетенции между отраслевыми регуляторами и достраивает режим последовательно, сегмент за сегментом, начиная с наиболее чувствительной категории платёжных стейблкоинов. Различие методов отражает и различие правовых традиций, так как континентальная опора на кодификацию противопоставлена достройке через отраслевые статуты и правоприменение. На уровне институциональной архитектуры это выражается в противопоставлении единого надзорного центра и системы разграниченных юрисдикций, каждая из которых сохраняет автономию в своей предметной области.

Вместе с тем за различием методов обнаруживается содержательное схождение, значимое именно для финансово-правового анализа. Во-первых, обе модели переходят к функциональному режиму стейблкоинов европейское право выделяет токены электронных денег с режимом, родственным режиму электронных денежных средств, а американское — категорию платёжных стейблкоинов с требованием полного резервирования, причём в основе обоих решений лежит признание того, что подобные инструменты по своей природе ближе к электронным деньгам, чем к децентрализованным криптовалютам[73].

Во-вторых, обе модели имплементируют правило сопровождения перевода сведениями о его сторонах, восходящее к рекомендации 16 Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, обеспечивая тем самым прослеживаемость транзакционных цепочек[74].

В-третьих, обе возлагают основной массив обязанностей по идентификации на лицензированного посредника, который выступает точкой контроля, где операция соприкасается с установленным участником. Совокупность этих элементов образует функциональный стандарт, который, будучи закреплён рекомендациями Группы разработки финансовых мер, приобретает значение фактического глобального стандарта и распространяется за пределы принявших его правопорядков через механизм признания эквивалентности и через практическую вынужденность его соблюдения участниками, ориентированными на доступ к соответствующей инфраструктуре[75].

Вместе с тем распространённое представление о европейской и американской моделях как о конкурирующих альтернативах, из которых глобальному правопорядку предстоит избрать одну, представляется дискуссионным. Его слабость обнаруживается при разграничении предмета сравнения, а именно на уровне цивилистической квалификации объекта и распределения надзорной компетенции модели действительно расходятся, однако на уровне инфраструктуры контроля они сходятся на общем наборе решений. Конкуренция методов не отменяет единства функционального ядра, а рекомендации Группы разработки финансовых мер выполняют роль связующего слоя, обеспечивающего совместимость национальных систем поверх различий в их построении. Следовательно,

[67]Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. — L 150, 9.6.2023. — P. 40–205.

[68]Regulation (EU) 2023/1113 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on information accompanying transfers of funds and certain crypto-assets (TFR) // Official Journal of the European Union. — L 150, 9.6.2023.

[69]Regulation (EU) 2024/1624 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing // Official Journal of the European Union. — L, 19.6.2024.

[70]Regulation (EU) 2024/1620 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 establishing the Authority for Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism // Official Journal of the European Union. — L, 19.6.2024.

[71]Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act (GENIUS Act), Pub. L. No. 119-27 (2025) (United States).

[72]Digital Asset Market Clarity Act of 2025 (CLARITY Act), H.R. 3633, 119th Congress (2025) (United States). Законопроект прошёл Палату представителей и одобрен Комитетом Сената по банковским вопросам 14 мая 2026 г.; на дату подготовки статьи не принят.

[73]Кочергин Д.А. Указ. соч. — С. 90.

[74]FATF. The FATF Recommendations. — Paris : FATF, 2012, updated 2023. — Rec. 15, 16.

[75]Ситник А.А. Использование криптовалют в трансграничных расчётах: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20, № 8 (177). — С. 40.

вопрос о выборе между моделями поставлен неточно, предметом заимствования для правопорядков, достраивающих собственные системы, выступают не метод и не догматическая конструкция, а конкретные механизмы идентификации и прослеживаемости, доказавшие работоспособность в обеих моделях.

Проведённый анализ приводит к выводу о том, что американская и европейская модели представляют собой не альтернативы, а взаимодополняющие элементы единого складывающегося глобального правового порядка, ядром которого выступает инфраструктура верификации операций, а не квалификация объекта. Именно наличие действующего механизма идентификации участника и прослеживаемости перевода, а не отнесение криптовалюты к той или иной категории объектов права, служит критерием, определяющим результативность любой национальной модели. Данный вывод переносит центр сравнительно-правового исследования с догматики объекта на инфраструктуру контроля и задаёт критерий оценки национальных систем, находящихся на стадии достройки, — критерий, применение которого к отечественному регулированию составляет предмет дальнейшего исследования.

Литература

1. Regulation (EU) 2023/1113 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on information accompanying transfers of funds and certain crypto-assets (TFR) // Official Journal of the European Union. — L 150, 9.6.2023.
2. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. — L 150, 9.6.2023. — P. 40–205.
3. Regulation (EU) 2024/1620 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 establishing the Authority for Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism // Official Journal of the European Union. — L, 19.6.2024.
4. Regulation (EU) 2024/1624 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing // Official Journal of the European Union. — L, 19.6.2024.
5. Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act (GENIUS Act), Pub. L. No. 119-27 (2025) (United States).
6. Digital Asset Market Clarity Act of 2025 (CLARITY Act), H.R. 3633, 119th Congress (2025) (United States).
7. Financial Innovation and Technology for the 21st Century Act (FIT21), H.R. 4763, 118th Congress (2024) (United States).
8. FATF. The FATF Recommendations. — Paris : FATF, 2012, updated 2023.
9. Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. — 2022. — Т. 17, № 3. — С. 75–130.
10. Сидоренко Э.Л. Криптовалюта и будущее цифровых финансов. — Москва : МГИМО-Университет, 2023. — 218 с.
11. Ситник А.А. Использование криптовалют в трансграничных расчётах: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20, № 8 (177). — С. 33–41.
12. Gkoutzinis A. The European Union's proposed regulation on markets in crypto-assets (MiCA): A game-changer for crypto regulation // Journal of Financial Regulation. — 2022. — Vol. 8, No. 1. — P. 112–139.
13. Zetzsche D.A., Annunziata F., Arner D.W., Buckley R.P. The Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) and the EU Digital Finance Strategy // Capital Markets Law Journal. — 2021. — Vol. 16, No. 2. — P. 203–225.

American and European Models of Legal Regulation of Cryptocurrencies as Elements of the Global Legal Order: A Comparative Legal Analysis

Gaponov A.E.

International Institute of Informatization and Public Administration named after P.A. Stolypin

The article offers a comparative legal analysis of the American and European models of cryptocurrency regulation, treated as elements of an emerging global legal order. The author shows that, despite opposite legislative methods — comprehensive codification in the European Union and gradual sectoral construction from enforcement to statute in the United States — both models converge on a functional standard of control whose core consists of the identification of participants at the point of licensed intermediation and the rule requiring transfers to be accompanied by information about their parties. It is argued that this functional standard, resting on the recommendations of the Financial Action Task Force, is acquiring the significance of a de facto global standard. The conclusion is that the effectiveness of cryptocurrency regulation is determined not by the choice of the object's civil-law qualification but by the presence of an infrastructure for verifying transactions, which constitutes the true subject of comparison between national models.

Keywords: cryptocurrency; financial control; comparative law; MiCA; GENIUS Act; travel rule; FATF; transaction verification; global regulation; financial law.

References

1. Regulation (EU) 2023/1113 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on information accompanying transfers of funds and certain crypto-assets (TFR). Official Journal of the European Union, L 150, 9.6.2023.
2. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA). Official Journal of the European Union, L 150, 9.6.2023, pp. 40–205.
3. Regulation (EU) 2024/1620 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 establishing the Authority for Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism. Official Journal of the European Union, L, 19.6.2024.
4. Regulation (EU) 2024/1624 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing. Official Journal of the European Union, L, 19.6.2024.
5. Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act (GENIUS Act), Pub. L. No. 119-27 (2025) (United States).
6. Digital Asset Market Clarity Act of 2025 (CLARITY Act), H.R. 3633, 119th Congress (2025) (United States).
7. Financial Innovation and Technology for the 21st Century Act (FIT21), H.R. 4763, 118th Congress (2024) (United States).
8. FATF. The FATF Recommendations. Paris, FATF, 2012, updated 2023.
9. Kochergin D.A. Kriptoaktivy: ekonomicheskaya priroda, klassifikaciya i regulirovanie oborota [Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Circulation]. Vestnik mezhdunarodnyh organizacij, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 75–130.
10. Sidorenko E.L. Kriptovalyuta i budushchee cifrovyh finansov [Cryptocurrency and the Future of Digital Finance]. Moscow, MGIMO-University Publ., 2023. 218 p.
11. Sitnik A.A. Ispol'zovanie kriptovalyut v transgranichnyh raschetah: problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya [The Use of Cryptocurrencies in Cross-Border Settlements: Problems and Prospects of Legal Regulation]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 2025, vol. 20, no. 8 (177), pp. 33–41.
12. Gkoutzinis A. The European Union's proposed regulation on markets in crypto-assets (MiCA): A game-changer for crypto regulation. Journal of Financial Regulation, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 112–139.
13. Zetzsche D.A., Annunziata F., Arner D.W., Buckley R.P. The Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) and the EU Digital Finance Strategy. Capital Markets Law Journal, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 203–225.